

Репортаж с освобожденных территорий: где искать оптимистичные детали среди разрухи

Я часто пишу о жизни на освобожденных территориях и всегда стараюсь **включить в репортажи яркие штрихи, оптимистичные детали**. Наверное, в этом и есть главная сложность — найти позитив там, где все разрушено. Показателен в этом плане мой конкурсный материал «Страшнее было в 2023 году, когда никого не выпускали: жители Красногоровки устраивают быт и верят в скорое восстановление»

ВИКТОРИЯ ПАВЛОВА, главный ответственный редактор сетевого издания «Донецкое время»
Республиканского медиахолдинга (ДНР)

— Едем в Красногоровку в субботу, накануне Пасхи, — написала мне волонтер Надежда и указала точку сбора и время отправления.

— Я с вами. Буду писать жизнеутверждающий репортаж, — ответила я и через пять минут пожалела о такой самоуверенности. Дело в том, что двумя месяцами ранее в нашем издании вышел материал моего коллеги из Красногоровки. Местные чиновники сочли его «слишком пессимистичным и мрачным». На фотографиях — девятиэтажки, у которых снарядами срезало крышу или обрушило часть наружной стены, выбило окна. Сквозь зияющие дыры в фасадах видны чудом уцелевшие лестничные марши или то, что еще недавно называлось квартирами. На лицах немногочисленных жителей считывается усталость. Добавьте к этому отсутствие света, воды, отопления, мобиль-

ной связи, транспорта, работы. И где здесь искать позитив? Я понимала, что за два месяца в разрушенном на 90 процентов городе кардинальных изменений к лучшему не случилось.

Но стоял апрель, в Донбассе зеленели степи, цвели абрикос и вишня, и картинка уже не выглядела такой мрачной. Да и ехали мы накануне Пасхи, а потому отступать от первоначального замысла было нельзя.

— Ты смотри, местная активистка все же добилась, чтобы повесили флаг. Сколько раз в Донецк ездила, пороги всех инстанций обивала, но добилась, — вырвал меня из раздумий голос Нади. Я выглянула в окно машины и увидела на въезде стелу, окрашенную в цвета российского триколора. На флагштоке развевался новехонький флаг России. «Обязательно включи это в материал», — мысленно отметила для себя и, не надеясь на память, записала напоминание в телефонный блокнот. Такие пометки здорово выручают, когда садишься писать материал. В блокнот телефона я вношу имена, фамилии, должности людей, с которыми общаюсь, и моменты, на которые в первую очередь следует обратить внимание.

В освобожденных городах и поселках, в красной зоне я работаю только со смартфоном. Он заменяет мне и блокнот, и фотоаппарат, и диктофон.

Снимать обычно приходится на ходу, потому что водитель не будет останавливать машину через каждые 200—300 метров, чтобы не привлекать внимания вражеских дронов.

Дорог местами нет — трясет так, что, подпрыгивая, рискуешь пробить головой крышу автомобиля. Понятно, что в столь экстремальных условиях даже стабилизация камеры не спасает. Половина кадров идет в корзину, но выбора нет. От обычного диктофона в пользу приложения в смартфоне давно отказалась ради удобства и экономии времени. Каждый комментарий записываю отдельно и подписываю либо именем спикера, либо ключевым словом. Например: «Собаки и кошки», «Меню Людмилы Антоновны», «Троянда», «История Яны Тарасовны», «Ассортимент в магазине», «Валентина, подвал».

При расшифровке ты быстро находишь нужный эпизод, не перематывая бесконечно часовую запись. Да и свои впечатления, мысли от увиденного проще наговорить на аудио, чтобы ничего не упустить. А так как все аудио, фото- и видеоматериалы автоматически сохраняются в облачное хранилище, риск потерять собранный материал нулевой.

По приезде мне нужно пять минут, чтобы осмотреться, впитать атмосферу места, увидеть какие-то мелочи. Как показала практика, именно эти мелочи в дальнейшем задают тон повествованию.

Первая точка остановки в Красногоровке — квартал многоэтажек. От Нади знала, что таких точек будет три, все в разных концах города. Пока водитель и

мужчины из местных выгружали куличи из багажника волонтерской «Нивы», я бродила вокруг домов.

Чистота — первое, что отметила для себя. Асфальтированные дорожки будто только подмели. Пластиковые ведра под окурки, обертки, другой мелкий мусор стоят возле каждого подъезда. На крыльце — 300-литровые емкости с технической водой, от них выведены трубы и установлены краны, чтобы удобнее было ее набирать.

Строительный мусор аккуратно сложен в сторонке. Тачки перевернуты, чтобы пыль и грязь не оседала внутри. На грядках ровными рядками взошел лук, зацвели нарциссы.

Поодаль на траве нежатся собаки, на крыльце чья-то хозяйская рука соорудила для них будку, оборудовала лежанку. Коты и котята спокойно разгуливают, от людей не шарахаются — значит, здесь их не обижают.

В одном из домов внимание привлекло новое пластиковое окно и светлая гардина за ним. С высоты второго этажа меня благословляла икона Божией Матери. Такой вот островок уюта в городе, где даже электричество есть далеко не везде.

Я все старательно сфотографировала, уже понимая, что перечисленные детали обязательно включу в репортаж. Правда, тогда я еще не знала, что животные станут его полноправными героями.

У меня есть негласное правило: на освобожденных территориях больше слушать людей и меньше

говорить. В таких доверительных разговорах ты наверняка узнаешь то, чего герои не скажут, отвечая на вопросы.

От местных жителей, кстати, я и услышала имя — Яна Тарасовна. И, конечно же, захотела познакомиться с ней и ее легендарной телочкой Трояндой.

— Надя, что это за женщина? — наседала я на волонтера.

— Сама увидишь, сейчас мы к ней поедem, — сохраняла интригу она.

Минут пять попетляв по Красногоровке, мы оказались в частном секторе. Машина остановилась перед одним из домов, со двора доносился звук генератора.

— О, генератор молотит. Яна Тарасовна, наверное, куличи печет, — предположила Надя и направилась напрямик во двор.

Минуты не прошло, как в проеме калитки появилась улыбчивая щупленькая женщина и гостеприимно пригласила во двор. Это и была Яна Тарасовна.

Поговорили. Поздравили с наступающим, и я робко попросила показать легендарную телочку.

— Пойдем, — по-свойски повела меня в сарай хозяйка.

В сарае стояла упитанная телочка Троянда. Троянда — потому что родилась на Троицу, в этом году ей исполнилось два года. Ее рождение совпало с освободительными боями за Красногоровку.

Яна Тарасовна выхаживала Троянду, когда мины и осколки засыпали окрестности, город был закрыт на въезд и выезд, катастрофически не хватало еды, не

говоря уже о сене для коровы.

— Яна Тарасовна, как же выходили ее?

— Да по-разному бывало. Одно время приспособилась срывать листья с деревьев и кормила ее. Подняла вот, — делилась она. Я не верила своим ушам, но верила своим глазам. Вот она, Троянда, стояла передо мной. А на заднем дворе бегали упитанные куры и кукарекал петух. У Яны Тарасовны теперь не только домашнее молоко, но и яйца, которыми она охотно угощает гостей:

— Домашнее яичко, у вас в магазинах такого нет. Берите. И кофейку, девочки, сейчас сделаю. Ай, сразу не предложила...

Третья точка выгрузки куличей. И здесь меня ждет очередное потрясение, разрыв шаблонов, как сейчас модно говорить.

Спускаюсь в подвал, где вот уже четвертый год живет Валентина с семьей. Темно — экономят топливо, поэтому днем генератор не включают. А пахнет вкусно, домашней едой.

У Валентины есть свой дом на краю этой же улицы. Двадцать одно попадание, жить в нем нельзя. Вот и перебрались в подвал. Думали ненадолго, а получилось, что на три с лишним года.

— Так хочется уже в свой дом вернуться. Плюнули на все и начали в этом году его восстанавливать. Сами, — как само собой разумеющееся говорит женщина.

Мы вышли из подвала. На газоне, посапывая, спали четыре собаки. Подняли мордочки, завиляли хвостами.

— У вас здесь много животных, никуда не уходят.

— А куда они пойдут? Наши они. Вон та пережила контузию, те — все обстрелы с нами, с нами встречали Русскую армию, — слушаю истории животных.

Нутром чувствую, что это не громкие слова, а то настоящее, что либо есть в человеке, либо его нет. То, чего у него невозможно отнять ни при каких обстоятельствах.

Видеоанонс и сам репортаж собрали несколько тысяч просмотров на сайте издания и в социальных сетях. Материал напечатали и в газете «Донецкое время».

Но приятнее всего было получить отклики от читателей.

«Виктория, благодарю Вас за рассказ, я словно дома побывала, только в памяти — довоенная родная Красногоровка», — написала мне читательница.

Ее комментарий тронул меня до слез. Сейчас она живет в Рыбинске Ярославской области, но очень скучает по родным местам.

Я обещала ей и жителям Красногоровки, что будут и другие репортажи — о восстановлении города. И они обязательно будут, потому что в темное время светлые события очень нужны.

&

Читать репортаж
из Красногоровки

ОСТАНЬСЯ. ДЕТСТВО

На каждом этапе работы у съемочной группы было ощущение, что кто-то сверху нас испытывает

НАДЕЖДА ЛУТОШКИНА, сценарист, и **ДМИТРИЙ ПРОКОПОВ**, режиссер веб-сериала «Останься. Детство», телерадиокомпания «Ника», город Калуга

«Останься» — это совместный проект телерадиокомпании «Ника» и Центра «Возрождение». Реализован при поддержке Министерства внутренней политики Калужской области и Фонда Президентских грантов.

Первый сезон вышел в 2025 году. Формат: игровой веб-сериал, 5 серий примерно по 10 минут. Рассказывали о подвигах калужан во время Великой Отечественной войны. И тут надо пояснить. Телерадиокомпания «Ника» никогда не бралась за такие сложные и масштабные проекты, вообще не имела опыта работы в игровом кино (за исключением, новогодних развлекательных картин). Когда команду поставили перед фактом, что проекту быть, многие впали в шок и говорили, что нам это не поднять. Но шаг за шагом, и к 9 Мая были готовы все пять серий. Главный показ прошел в красивом месте, располагающем к погружению в историю, — на открытой

площадке Калужского краеведческого музея. Все стулья были заняты, многим пришлось смотреть стоя. Люди плакали, аплодировали, благодарили.

По примерным подсчетам мероприятие посетило более трех тысяч человек. (Никаких страховок из разряда «а давайте приведем школу» — не было. Люди пришли сами. Правда, была бесплатная солдатская каша, но те, кто пришел поесть, сразу и ушли). Просмотры в ВК порадовали: каждая серия набрала около ста тысяч,

одна перевалила за сто десять, одна — чуть не добрала до девяноста. В общем-то, для региональной телерадиокомпании это успех. Оценили не только зрители, но и профессионалы. Было много наград, в том числе проект стал финалистом «ТЭФИ-Регион» в номинации «Игровой фильм/сериал».

И вот, казалось бы, телерадиокомпания решила на второй сезон, значит, с первым все сложилось хорошо, уже есть какой-никакой опыт, теперь хочется больше и лучше. И, главное, значит, есть возможность. Все так. Но, как говорится, не совсем.

Во втором сезоне решили рассказать истории детей войны, а назвали проект «Останься. Детство».

1. РАБОТА НАД СЦЕНАРИЯМИ

Задач у проекта было несколько. Одна из них — мотивировать людей, чтобы они вспомнили историю своего предка, написали ее и прислали на сайт.

Мы сформировали электронный альманах. В том числе, из этих ис-

Режиссер Д. Прокопов и оператор Д. Чистяков

Сценарист Н. Лутошкина, оператор Л. Чистяков

торий должны были выбрать материал для экранизации. Также читали все, что только возможно. В Калужской области в каждом округе есть изданная книга с воспоминаниями детей войны. А еще мы общались с живыми героями. Когда они находили силы и соглашались на съемку, брали интервью. Вообще, изучать этот материал не просто. Чтобы потом на основе прочитанного написать сценарий, нужно делать это с открытым сердцем, а значит, пропускать через себя всю боль.

В какой-то момент истории слились в один сплошной голод, отчаяние, страх, смерть. Но было еще кое-что общее, дети даже во время войны оставались детьми, они играть, хотели радоваться жизни, они вдохновляли, они совершали подвиги и верили, что все будет хорошо.

Парадоксально то, что этот свет и задор особенно сильно чувствовали во время живого интервью, читались в глазах тех, кому сейчас уже за восемьдесят. Эту «детскость» мы решили сделать основной идеей, которая проходила через все серии.

Для экранизации выбрали такие воспоминания, где удалось найти одну подлинную деталь, которая раскрывала не только историю героя, но и целые явления. Вязанка хвороста, в которой каждая ветка обозначает определенный вид вражеской техники. Пропуск с подписью коменданта оккупированного города, благодаря которому можно было совершать диверсии. Ковардашки, которые ребенок, рискуя жизнью, доставал из помоев, чтобы накормить братьев, сестер, а еще — спрятанного в сарае раненого красноармейца. Именной пистолет семилетнего сына полка, правда, пока деревянный. Бусики,

сплетенные из проволоки, снятой с неразряженной бомбы.

2. ПОДГОТОВКА

Еще один социальный эффект, который мы закладывали в проект, — привлечение к съемкам воспитанников детских домов. Чтобы с ними познакомиться, мы сначала приезжали и показывали им первый сезон. Потом проводили кастинги. Довольно быстро стало понятно: чтобы взять ребенка на главную роль, с ним нужно провести огромную работу, а еще лучше, если бы он уже занимался актерским мастерством хотя бы в течение года. В итоге главные роли мы все-таки отдали ученикам калужских театральных школ и студий, а ребята из детских домов играли второстепенных персонажей. Хотя одну звездочку мы все-таки нашли. Ваня Войтенков очень хорошо показал себя во время съемок тизера, и мы взяли его на одну из главных ролей в серии «Разведчики».

Радостным событием для всей нашей съемочной группы стало то, что в процессе нашей с ним работы ему нашли приемную семью. Нет, мы тут ни при чем, но мы стали с ним так дружны, что это, в целом, подбодрило нас и заставило поведать в хорошее.

В среднем подготовка к одной серии занимала около двух недель. На взрослые роли мы старались подбирать медийных личностей, чтобы и таким образом повысить зрительский интерес. Было непросто, так как они должны были, во-первых, согласиться, во-вторых, еще и неплохо играть.

Нам удалось привлечь актеров калужских театров, блогера, крупного предпринимателя, поэта, руководителя поискового движения, волонтера СВО. Наш бюджет не предусматривал гонораров актерам — все снимались бесплатно.

Самой сложной частью подготовки был поиск локаций. Действие большинства серий происходит в деревнях времен Великой Отечественной войны — а они не сохранилось. У нашей телекомпании сложились давние и дружеские отношения с кинокомплексом «ВоенФильм-Медынь». Но, во-первых, домов, обустроенных внутри, там только два. А, во-вторых, даже с учетом дружеских отношений мы могли позволить себе на их территории только три смены. В итоге сняли там две серии.

Серию про людиновское подполье (там все-таки город) снимали в купеческом доме, который сейчас является музеем. Нас спасло то, что это такой музей, где можно двигать не только экспонаты, но и мебель. Послевоенное время снимали в заброшенной конюшне и возле раз-

рушенного храма. Самые большие сложности были с поиском еще одного деревенского дома, причем, нам нужен был дом с русской печкой, на которой могли спать дети. Мы обзвонили всех знакомых, всех глав районов — и ничего. Да, дома с печками были, но на стенах — обои... или другое современное покрытие. Были дома, которые более-менее подходили внутри, но никак нельзя было снимать снаружи. А это бы очень сильно усложнило логистику и увеличило общее съемочное время.

В итоге мы нашли дом у родственников одного из сотрудников. Нам подходили печка и стены, но пришлось выносить всю мебель и привозить свою, а также все мелочи, которые делают пространство жилым.

Говорят, что переезд хуже пожара, так вот приезд съемочной группы — это что-то из этой же серии.

А так как люди предоставили нам свой дом бесплатно, нам пришлось очень постараться, чтобы вернуть все на свои места (ну насколько это было возможно).

Еще один важный момент, который нужно учитывать, если собираешься снимать фильмы про Великую Отечественную войну, — реквизит и костюмы. Основным нашим помощником по этой части был военно-исторический клуб «БатальонЪ», в общем, реконструкторы. С формой и обмундированием для красноармейцев и немцев проблем не было. А вот одеть мирных жителей, а тем более детей, было сложно. В массовых сценах принимали участие от 3 до 12 человек.

Экономия одежды доходила до того, что, например, ребенок, который лежал на печке, одевался

наполовину, а вторая часть накрывалась одеялом.

Когда снимали на территории кинокомплекса, брали одежду в их костюмерной, помогали художники по костюмам. Но и там были сложности именно с детской одеждой — как зимней, так и осенне-весенней. Довольно быстро нам выставили условие: мы должны были исключить высоких и полных актеров, а также маленьких и худых.

3. СЪЕМКА

Первая же съемка ударила по нам морозами. Минус тридцать. А накануне была сильная метель. И по нормам безопасности машина с детьми из детского дома не смогла выехать. Нам пришлось ночью искать детей на замену. Нашли.

Съемка проходила на территории «ВоенФильм-Медынь». Там нет ни электричества, ни отопления, а печки — бутафорские. Пытались греть помещения «пушками» и прятаться по машинам. Из-за этого одну сцену на монтаже пришлось даже выкинуть.

Женщина говорила: «Заходите, родненькие, погреться», а изо рта у нее шел пар. Была у нас сцена на лавке. Сидеть на ней было невозможно. Пытались подкладывать на «крупняках» подушки, но они тоже мгновенно превращались в ледяной камень. Между дублями актеры разбегались по машинам — греться. Перенести съемку не было ни технической, ни финансовой, ни временной возможности. К удивлению, никто не заболел. Списываем на адреналин.

Не менее сложной оказалась съемка в реальной деревне. Хозяева в доме живут только летом, соответственно, внутри холодно. Начали

Серия «Бустики»

Серия «Серёжа»

топить печку сразу, но тепло она начала отдавать только к вечеру. Если задумаете снимать в таких условиях, берите с собой дрова. Хозяйские закончились очень быстро, пришлось искать по соседям.

А еще это была самая длинная смена. Выехали в семь утра, а вернулись в два ночи. Весь день мела метель. Дорога, которая была почищена еще с утра, стала исчезать, все превращалось в ровное белое поле.

Мы позвонили в администрацию округа, но у них не оказалось свободных тракторов. Правда, они пообещали, что, если мы все-таки застрянем, они нас не бросят, даже если это будет два ночи. На удивление, все машины выехали сами.

Съемки большого количества детей тоже имеют свои особенности. Что касается работы в кадре, то дети, может быть, даже лучше взрослых. Они дисциплинированы, текст отскаки-

вает от зубов, слушают и выполняют советы. Но когда они не задействованы в сценах — это ураган.

Даже с учетом того, что все были с родителями или ответственными за них лицами, их время все равно нужно было организовывать. Уже после первой смены у нас появился специалист, который отвечал за то, чтобы дети не разнесли локацию.

С технической стороны мы были достаточно обеспечены. Снимали на арендованную камеру Blackmagic. Также использовали телевизионное оборудование. Уже на второй серии к нам присоединилась группа «Кино в Калуге», которая из любви к искусству предоставила свое киношное освещение, а также различные стабилизаторы, механизмы для фокусировки и прочее.

В итоге мы снимали 8 дней, именно дней, не смен. Две серии были сняты за один день. Одна — за три, но только потому, что нам нужна была короткая сцена на железной дороге стандарта времен Великой Отечественной войны, а такая была только на «ВоенФильме».

Мы эту сцену сняли на закате дня, когда работали над другой серией.

Дни, когда велись съемки проекта «Останься», телекомпания была практически парализована из-за количества машин и людей, уезжавших на локацию.

Состав технической группы: режиссер, оператор-постановщик, два оператора, сценарист, продюсер (он же администратор и специалист по детям), художник по свету, гример, инженер, водители. Всего было задействовано 54 актера.

4. ПОСТПРОДАКШЕН

У нашей телекомпании, как и, наверное, у большинства регионалов,

нет ресурсов, чтобы хранить такие объемы материалов в высоком качестве. Были закуплены дополнительные диски. Мы сделали две вещи, которые обычно не делаем для телевизионного контента.

Во-первых, была специально написана музыка. Композитор (сотрудник телекомпании, он же монтажер) — DeepCosto (Никита Свинин).

Во-вторых, была создана звуковая дорожка для показа в кинотеатрах, стерео звук для создания той самой атмосферы, будто сам находишься «в кино» (чтобы, если стучат справа, звук шел справа, а если взрыв слева, то он слышался слева).

Также некоторые звуковые эффекты были записаны непосредственно в тон-студии телекомпании — стук в дверь, шаги, шелест листьев. Все серии были смонтированы за три недели, но даже некоторые исправления пришлось переделывать в день премьеры.

5. ПОКАЗЫ

На протяжении всего года телеканал и соцсети «Ники» поддерживали интерес к проекту. Это и призывы присылать истории своих предков на сайт. Это и посты о наградах, которые получал первый сезон проекта.

На каждую съемку сериала выезжала новостная группа — выходил сюжет и пост. И, конечно, анонсы показов.

До главной премьеры 9 мая, мы со своим фильмом ездили по округам и районам. Состоялось 9 показов — до главного. На каждом обязательно присутствовали представители съемочной группы, чтобы по-

сле просмотра обсудить проект со зрителями.

И тут можно сказать однозначно: каждый телевизионный автор должен пройти через это испытание — встречу лицом к лицу со зрителем.

Было по-разному. Организация мероприятия в муниципалитетах лежала на принимающей стороне. Кто-то приглашал школы, колледжи, предприятия, кто-то просто размещал афишу на входе. Были аншлаги, но было и совсем немного людей.

Были школьники, которые так и не вылезли из телефона, но были и те, кто его отложил во время просмотра. Плакали, благодарили, задавали вопросы, критиковали. Действительно было все.

Главный показ — это отдельная история. Вся организация на телекомпании. Мы принципиально никого не приглашали (ну кроме, ВИ-Пов), чтобы понять, а все-таки придут люди или нет. Но кое-что мы все-таки сделали.

Полевая кухня, выставка современного оружия, сборка-разборка автоматов, интерактивная площадка для детей с играми времен Великой Отечественной войны, музей героев проекта, выступления ансамбля, который снимался в одной из серий, выступление детского хора. Ну и, конечно, фильм. Свободных мест не было, зрители снова смотрели стоя. Аплодировали после каждой серии. А еще случилось чудо. С утра моросило, прогноз вообще не обнадеживал, весь день показ был под угрозой срыва, но вот пришло время начинать — и

дождь прекратился. И снова пошел на финальных титрах. Нам просто повезло?

22 июня вышел документальный фильм «Останься. Небо и земля». Это не классический фильм о фильме. В 10-минутных сериях можно рассказать только об одном событии, об одном поступке из жизни героя. Но чтобы написать сценарии, мы узнали о них гораздо больше.

И вот этим захотелось поделиться, но не просто пересказать, а порассуждать через призму вопросов, которые мучали съемочную группу в процессе создания сериала. Тех ли героев выбрали? Так ли построили сценарии? И, главное, зачем была проделана работа и поможет ли это сохранению памяти о Великой Отечественной войне?

Многие думают, что, если это грантовый проект, то все озолотилось. Это вообще не так. И это, конечно, стоит учитывать тем, кто решится взяться за подобный проект.

Ну и немного лирики в финале.

На каждом этапе работы у съемочной группы было ощущение, что кто-то сверху нас испытывает. Как будто говорит: «Вы просто хотите снять крутой проект и устроить грандиозный показ? Ничего у вас не получится! Докажите, что все это вам действительно важно. Покажите, чем каждый из вас лично готов пожертвовать».

И мы правда работали на износ. Сделали все, что смогли.

Смотреть веб-сериал
«Останься. Детство»

ВСЕ ПО ДЕЛУ

Никогда бы не подумал, что придется готовить материалы о войне непосредственно с ее участниками, почти своими ровесниками. Еще меньше приходило в голову, что **солдат вокруг меня на самом деле так много**. Казалось бы, Таймыр и Норильск — край света, а участников боевых действий здесь столько, что поневоле начинаешь кожей ощущать близость беды

ДЕНИС КОЖЕВНИКОВ, корреспондент газеты «Заполярье», Красноярский край, город Норильск

Работать с бойцами не просто — у каждого своя история. Общественное мнение, не без помощи, кстати, нашего брата-журналиста, десятилетиями рисовало разные героические картины.

Все так, кроме того, что за это время ситуация поменялась: фразы «защита Родины», «воинский долг», «ответственность перед потомками», «солдатский труд» и прочие нивелировались настолько, что современная молодежь, да и кое-кто из старшего поколения, воспринимает их как ничего не значащие лозунги.

В этом смысле простое интервью журналиста с солдатом имеет все шансы превратиться в соревнование, кто красивее наврет... Не дай бог, конечно...

ВОЙНА ДРУГАЯ — ЗАДЕЛ ТОТ ЖЕ

Изменились не только отношения в стране и к стране, изменилась война. Тем, кто прошел в свое время службу по призыву, кто хоть чему-то был научен в армии, кто еще за-

стал Афганистан, воевал в локальных конфликтах новейшей истории, попав на СВО, приходится переучиваться воевать. Все они говорят, что это другая война. И это не всегда дано понять журналисту, если он в принципе далек от армейской темы, а значит, его рассказ может стать недостоверным в лучшем случае, издевательским и смешным — в худшем.

Мне повезло, я служил в Советской Армии. Повезло в широком смысле — и со службой, и сейчас, когда с нынешними бойцами ты говоришь на одном языке.

Им и тебе понятна чисто солдатская терминология, основные принципы организации службы и армейского быта, виды вооружения вплоть до маркировки, калибра и назначения. В этом смысле следует

признать дальновидность моего редактора, который поручил именно мне работу с участниками и ветеранами СВО.

Признаюсь, мне льстит, что я среди них за своего — как человек, который способен понять и верно оценить некоторые сугубо специфические тонкости и, главное, правильно истолковать мнение служивых людей.

Лучшей оценкой моей работы стала короткая фраза демобилизованного по ранению офицера, который, прочитав перед публикацией материал, сказал: «Все по делу. Спасибо».

СОВМЕСТНЫЙ ТРУД

Очень правильная практика — давать прочитать материал героям таких публикаций. Многие коллеги, особенно молодые, иногда испытывают своего рода комплекс, боязнь замечаний и правки.

Еще хуже, если это является результатом неких творческих амби-

ций: а вдруг засомневаются в «гениальности»? А бывает, у человека после возвращения «из-за ленточки» накапливается столько эмоций, подчас противоречивых и субъективных, что в беседе он способен наговорить чего угодно.

Потом остынет, прочтает и осознает, что на самом деле не все так драматично.

Люди после войны вообще переполнены эмоциями и чувствами — это надо понимать. Кое у кого за спиной не только война. Один мой собеседник ушел на СВО из мест заключения, куда попал по глупости — пьяная драка.

Перед подписанием контракта им двигала мысль не как избежать наказания, а как искупить свою вину кровью — он так и сказал.

Мне пришлось трижды с ним беседовать и начинать все сначала, чтобы из потока ругательств и разных нелестных отзывов сформулировать в итоге его главный посыл: «Я детям расскажу не как сидел, а как совер-

шил поступок — защищал Родину». Это тоже правильное решение — обнародовать стремление вчерашнего сидельца искупить вину.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Совсем другое дело — зрелые люди, умудренные жизненным опытом, со сложившимися принципами и убеждениями. Очень часто с такими легче беседовать, каждое их слово взвешено и наполнено смыслом.

Если в случаях с некоторыми бойцами их историю приходится перекладывать и «сочинять» самому, давать беседу в виде повествования с отдельными вставками прямой речи, то в случае со «старичками» очень подходит интервью.

Особенно если в их монологе, как говорится, ни убавить, ни прибавить. К тому же с высоты своего жизненного опыта ветераны способны выдавать совершенно эпичные вещи, которые пусть не являются оригинальными, но в контексте выглядят сильно и, главное, к месту.

Например, командир танка, потерявший на Донбассе руку, резюмировал нашу беседу словами: «Там другая война. Новые технологии, оружие, связь. Не все еще отлажено, но это уже в работе. Там даже молодежь, которая прежде, кроме гаджетов, ничего святого не признавала, обращается к иконам. Не зря говорят: на войне атеистов не бывает».

Как показывает практика, схема беседы с бойцами довольно проста: когда и где служил, для добровольцев — что подвигло отправиться на СВО, как отнеслись родные, в каких операциях принимал участие, ранения и так далее.

С этого всегда хорошо начинать, а вот изюминки вылавливать надо уже по ходу разговора. На них, в зависимости от ситуации, можно потом делать акценты, чтобы материал не получился сухим и однотипным.

Каждый солдат делает на войне свои наблюдения и выводы, они подчас очень интересны, если обратить на это должное внимание. Для подавляющего большинства простых читателей такие детали могут оказаться настоящим открытием.

Например, наш командир танка заметил, что в рейде на протяжении всего пути их сопровождали дроны, но атак не предпринимали до последнего даже при наличии на броне личного состава.

Сбросили заряд только тогда, когда из башни для уточнения обстановки вылез он сам, командир танка. На командиров, операторов спецвооружения, снайперов и других «узких» специалистов на этой войне идет особая охота.

За это платят немалые деньги. Его слова в другом материале подтвердил оператор противотанкового комплекса, назвав точную сумму вознаграждения в валюте за собственную голову.

ПРЕДЪЯВИТЕ СПРАВКУ

Если разговор совсем не клеится и не хватает фактуры, уместно делать в тексте отступления, так сказать, познавательного характера. Любопытно, на мой взгляд, было привести в одном материале полную расшифровку терминов, которые часто встречаются, таких как «двухсотые» и «трехсотые». С этими цифрами все понятно — убитые и раненые. Но мало кто знает, откуда

это вообще пошло и что есть в обиходе военных маркировки 100, 400, 500 и другие.

Эти обозначения являются специальными терминами для кодировки типов перевозимых грузов военного назначения и применяются в оперативном обмене между военными и представителями специальных служб.

Термин «груз 100» — транспортировка боеприпасов. Стрелковые, артиллерийские, авиационные, инженерные, морские боеприпасы, компоненты вооружений и военной техники.

Кодом «груз 400» обозначают раненых, которые получили контузию в бою, **«груз 600»** у военных чаще всего используется для обозначения военнопленных и так далее. Новый смысл на этой войне получила кодировка «500». До последнего времени «грузом 500» военные обозначали перевозимые медицинские препараты. Однако в

новых реалиях «пятисотыми» стали называть отказников, которым по уставу, приказу или контракту положено находиться в местах боевых действий, но они отказались ехать в горячую точку, нарушили приказ или разорвали контракт.

«Пятисотыми» называют дезертиров, предателей и просто трусов, покидающих места боевых действий.

Печально, но это жизнь: в число боевых задач военных формирований второй линии, кроме борьбы с диверсионно-разведывательными группами противника, входит отлов таких вот «пятисотых».

НАДО ЗНАТЬ

Некоторые «лирические отступления» в материалах об СВО могут нести даже просветительский характер. Мой герой из мест заключения попал на войне к тем, кого называют «Черные гусары».

Признаюсь, первые впечатления от самого собеседника в совокупности с названием подразделения отдавали чуть ли не махновщиной. Но при ближайшем изучении оказалось, что «Черные гусары» — неофициальное название 15-й отдельной гвардейской мотострелковой Александрийской бригады, единственного миротворческого подразделения в Вооруженных Силах России.

Бригада была сформирована в феврале 2005 года, участвовала в операциях в Приднестровье, Северной Осетии, Сирии и Нагорном Карабахе. Подразделение считается преемником знаменитого Александрийского полка, история которого отсылает к событиям 1776 года, когда в Новороссии был сформирован Александрийский 5-й гусарский полк Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Оказалось — это та самая «пятнашка», мотострелки которой одними из первых в Российской армии получили гвардейское звание в ходе спецоперации.

СИЛА СЛОВА

Отдельную признательность заслуживают ветеранские общественные организации за тесное сотрудничество с прессой. Здесь всегда есть заслуживающие публикаций люди. Да и без всякой лирики ребята знают, что сила слова способна помочь в самом, казалось бы, безнадежном случае.

Почти случайно достоянием общественности стала история солдата, получившего тяжелое ранение в лицо.

После госпиталей и множества операций 21-летний парень приехал домой и просто спрятался ото

всех в четырех стенах, стесняясь своей внешности, избегая контактов, исключив для самого себя возможность учиться, получить специальность, пойти работать, о личной морально-психологической травме и говорить не приходится.

Его мать в поисках для сына тихого, «неприметного» дела однажды попала в фирму такого же ветерана СВО, который к тому же являлся представителем регионального Комитета семей воинов Отечества. Он рассказал прессе о товарище по оружию, вместе фактически вытащили его на свет божий, в судьбе ветерана приняли участие местные органы государственной власти, общественные организации.

Теперь человек, который считал себя почти потерянным для общества, после публикаций в местных СМИ не только поверил в себя, но и пошел учиться, стал принимать участие в общественной жизни.

Решить многие вопросы ветеранов Заполярья позволяют регулярные встречи муниципальной власти с военнослужащими, их семьями. Раз в две недели глава Норильска приводит с собой на эти встречи руководителей управлений и подразделений муниципалитета, прокуратуру, военкомат. Прессу приглашать необязательно, по сложившемуся правилу она приходит на эти встречи сама, зная, что тут есть о чем поговорить.

Парадокс нашей действительности: есть указы президента, приказы министра обороны, но не все знают, как их исполнять (или не хотят) — приводит порой к ситуациям, которые удивляют даже прокурора. В таких случаях участие прессы

действует на всех участников процесса, фигурально говоря, мобилизуя. Очень верное дело — упоминать в публикациях тех, кто поддерживает солдат на производстве, кто не просто им помогает, а действует подчас вопреки инструкциям и формулярам, возвращает вернувшегося бойца к нормальной жизни. В нашем случае речь о целой группе руководителей Таймырского газодобывающего предприятия, которые для своего сотрудника, получившего увечье на войне и в сердцах явившегося увольняться, специально привезли из Москвы отраслевую комиссию для разработки для него персональных производственных нормативов и допусков, чтобы он с полным правом работал дальше.

СМEX СКВОЗЬ СЛЕЗЫ....

При подготовке публикаций об участниках СВО наткнулся на знакомую фамилию. Мой одноклассник (не виделся, не соврать бы, лет двадцать) ушел на второй контракт.

Пока находился в резерве, удалось поговорить по телефону. После долгой беседы отправил прочитать статью ему и его домашним.

Звонит в замешательстве, говорит: «Мои бабы прочитали и переругались между собой — кто из них больше за меня переживал! Давай для них подкорректируем статью, чтобы не рассорились окончательно!».... Правку внесли прямо по телефону.... Не удержался, говорю: «Теперь я знаю, от кого ты на войну сбежал!..»

Прошло два месяца, он воюет. А я боюсь звонить его жене, чтобы не услышать самое страшное...

КАК Я ПРОШЛА ПУТЬ ОТ ЖУРНАЛИСТА ДО ВОЛОНТЕРА ГУМАНИТАРНОГО БАТАЛЬОНА

МОЙ ПОЗЫВНОЙ — «ФЛЕШКА»

29 апреля 2023 года...
Ровно месяц, как в Донбас-
се **погиб наш старший брат.**
В попытках отвлечь себя от
тяжелых мыслей я пришла
в штаб волонтерского дви-
жения «Русский мир» и по-
просилась помочь.
Плела сети, собирала гума-
нитарку, но сердце требо-
вало большего — я отчаян-
но хотела поехать «за лен-
ту»...

СВЕТЛАНА ОМЕЛЬЯНОВИЧ,
корреспондент газеты «Сальская степь», город Сальск, Ростовская область

ЗАЧЕМ ПОЕХАЛА?

Мое желание исполнилось доволь-
но быстро — уже в июле я в соста-
ве гуманитарного батальона впер-
вые пересекла пункт пропуска
«Авило-Успенка».

Зачем поехала? Хотела своими гла-
зами увидеть, как живут бойцы, по-
общаться с ними, собрать их исто-
рии, передать их чувства, мысли,
переживания, чтобы люди в тылу

знали, кто там, на передовой, каж-
дую день и ночь защищает их по-
кой и мирное небо.

В тот первый раз наша гуманитар-
ная миссия растянулась на три дня.
Тогда-то впервые увидела блокпос-
ты, военную технику, разбитые се-
ла, выжженные лесополосы. На-
всегда в памяти остался лагерь
танкистов, где мы заночевали. Пар-
ни были в основном все мои зем-

ляки — из Ростовской области, большинство — мобилизованные, и каждый — со своей историей в мирной жизни.

Мы долго общались в тот вечер, и было полное ощущение, что я знала их всегда. Тогда-то командир одного из экипажей боевой машины Миша дал мне позывной. И с первой же поездки и с легкой руки «Кума» (это был позывной Миши) я стала «Флешкой».

Почему именно «Флешкой»? Думаю, сказались мой рост — 148 см и род деятельности. Мол, маленькая и хранящая много информации. Так или иначе, но «Флешка» за мной прочно закрепилась...

А через месяц после нашего знакомства «Кума» не стало — танк атаковал дрон-камикадзе, Миша не выжил... Это была моя первая по-

теря среди тех, кого я с годами стала называть братьями. У меня их много теперь. И на земле, и на небе...

НЕ ЗАБЫТЬ ИХ ЛИЦА...

После каждой поездки я писала статью о том, что видела по пути, с кем общалась. Свои наблюдения наговаривала на диктофон, чтобы не забыть ни одной детали. Хотя, если честно, такое не забывается. Как, например, забыть поездки к танкистам из роты «Сарматы», которые тогда находились в одном из разбитых сел вблизи Бахмута? И одна из них запомнилась особенно. Мы тогда доехали до подразделения поздней ночью, разгрузились, поужинали. Мне выдали спальный мешок, куда я залезла и попыталась уснуть.

За пределами моего маленького убежища меж тем гроыхала война. Гулкие удары перекрестного огня артиллерии сотрясали остатки стен чьего-то бывшего дома. Я считала «выходы» и прилеты. На столе одиноко горела окопная свеча, освещающая лица уставших после боя бойцов.

Они мирно спали, а я молилась. Но не боялась. Все мы под Богом ходим. Чему суждено, тому и быть. С этими мыслями и задремала. И тут понимаю, что в мешке я не одна: по мне бегали маленькие лапки вездесущих на фронте мышей. «Спокойно, — сказала я себе, — бойцов разбудишь. Подумаешь — мыши». И вытряхнула непрошенных гостей, залезла обратно, уже надежнее застегнув мешок...

Или как забыть новый, 2024 год? У меня в поездке с собой был костюм Снегурочки, в машине — подарки для ребят, генераторы, маск-

сети, медицина — все нужное в общем. Мы приехали к штурмовикам отряда «Байкал» — они тогда располагались в Горловке. Выходим, разгружаемся и идем поздравлять ребят. Заходим в столовую, где за грубо сколоченными столами сидело человек сорок взрослых мужчин. Сначала растерялась от такого количества бойцов, но быстро взяла себя в руки, и через пять минут мы уже вместе читали стихи, разгадывали загадки, а после пели традиционную «Маленькой елочке холодно зимой...».

Знаете, комок к горлу подступал, когда они хором пели эту детскую песенку, которая напоминала им о детстве, о доме, о своих детях... Долго, очень долго я еще вспоминала тот мужской штурмовой хор, из которого так мало осталось «солистов»...

ОТ ХЕРСОНА ДО КУРСКА

Я впитывала, как губка, рассказы парней о фронтовых буднях, каждодневных подвигах, их способах выживания.

В памяти часто всплывают их лица. Их было много за эти три года, ведь география наших поездок постоянно росла, и к сегодняшнему она распростерлась от берегов Днепра до курских лесов.

Уже два года, как я не просто журналист, описывающий события на фронте, я — официальный волонтер общественной организации «Русский мир».

За оказанное доверие я всегда благодарю людей, которые помогли мне найти себя в том море отчаяния после смерти брата. Это обычные сальские девчонки Анна Уварова и Елена Ищенко. Они собирают гуманитарные грузы и сами от-

возят их на фронт. А поскольку желающих ехать «за ленту» не особо много, одним из экипажей сальско-го отделения «Русского мира» стали мы с супругом.

Находясь сутками в пути по разбитым фронтовым дорогам, мы намотали за это время тысячи километров ради одной цели — чтобы передать помощь тыла по адресу. Запорожье, Херсон, Донбасс, приграничные районы Курской и Белгородской областей — где только не побывал наш автомобиль.

Зной, снегопад, гололед — в принципе, неважно, какая погода за окном, когда есть цель. А она одна у волонтеров — доехать и передать из рук в руки бойцам то, что собрали люди. Значит, очередной сбор закрыт. И можно начинать сначала...

ЕСТЬ СЛОВО «НАДО»

Уже сбилась со счета, сколько было поездок за эти годы. Много. Запланированных и экстренных. Два раза в месяц, а то и каждую неделю. И здесь нет слов «устал», «не могу». Есть одно — «надо»!

И каждый раз, строя маршрут, обзванивая перед выездом бойцов подразделений, ты переживаешь: хоть бы все прошло хорошо и все вышли на связь, которой вечно нет.

Долго ведь на одной точке не стоишь, надо постоянно двигаться, а потому лучше, чтобы все были предупреждены заранее. За одну поездку часто пересекаешь три области: ЛНР, ДНР, Запорожье. И это уже в порядке вещей. Лишь бы «птиц» в небе не было.

Часто выезжать приходится каждую неделю, а поскольку есть основная работа, все выходные мы

проводим «за лентой». Когда ездила сама, было не особо страшно, а когда ко мне присоединился супруг, за что ему огромное спасибо, ты по-другому оцениваешь обстановку: дома-то дети ждут родителей. Обоих.

Стараешься не думать о плохом, но всю дорогу сидишь в напряжении и с собранной сумкой с документами — чтобы успеть выскочить из машины в случае атаки беспилотника. Потому что ты несешь ответственность не только за себя. Это правда нашей жизни.

И хочу сказать главное: когда ты все довез, когда объехал все подразделения, которые были в списке волонтера (а их не бывает за одну поездку меньше десяти), ты испытываешь невероятное чувство облегчения. Ты выдыхаешь. Все получилось и в этот раз. Слава Богу...

ВЫ ПИШЕТЕ ИСТОРИЮ

В поездках времени на «подумать» много. И в такие минуты я мысленно благодарю каждого, кто плетет сети, печет пирожки, вяжет носки, заливает окопные свечи, делает «сухие» души, переводит деньги на закрытие заявок парней. Волонте-

ры благодарны каждому неравнодушному человеку, кто в эти тяжелые для страны годы не остается в стороне. Если бы не ты, нам нечего было бы возить. И это тоже правда жизни.

Никто из волонтеров не ждет благодарности. Потому что главная их награда — это счастливые лица парней, их простое «спасибо», которое они просят передать тем, кто помогает им побеждать. Так что, помогая волонтерам помогать, знайте: они там, на передовой, держатся благодаря вам!

В минуты слабости и усталости я вспоминаю последние поездки к ребятам и их искреннее «Чтобы мы без вас делали» или «Вы едете в нашу сторону, ну привезите нам хоть что-нибудь» и понимаю, что не имею права сдаваться.

Четко поняла, что я уже больше волонтер, чем журналист.

Хотя парни и их родственники говорят, что статьи об этом этапе их жизни нужны им не меньше, чем гуманитарка. По их словам, это память. Жена одного из командиров как-то прислала сообщение, чтобы я отослала газеты с материалами о ее супруге в Севастополь.

«Это история нашей семьи. Спасибо», — написала она позже.

А со временем конверты с материалами о поездках стали разлетаться по всей стране...

МЫ СИЛЬНЫЕ. МЫ ПРОРВЕМСЯ

Отдельно стоит сказать о встречах с мирными жителями. Это те люди, которые пережили настоящий ад, месяцами сидели в подвалах, хоронили детей.

Я хорошо запомнила Анну из Мариуполя. При штурме города она потеряла квартиру, потом вместе с соседями пережила два страшных месяца в подвале дома, боясь выйти на улицу.

Не раз мы передавали для жителей Мариуполя гуманитарную помощь через Анну. Она и сейчас продолжает заниматься помощью нуждающимся, добровольно взяв на себя обязанность по целевой доставке гуманитарных грузов в больницы и дома инвалидов, общежития для лишенных жилья.

Не забыть мне и сестру-хозяйку акушерского и послеродового отделений на тот момент единственного в Мариуполе роддома Альбину. Она рассказывала, как с семьей спасалась в подвале больницы, где когда-то появилась на свет. Около 600 человек нашли там тогда тепло, уют, кров.

В одной из комнат подвала выложили печь, чтобы готовить еду на всех, по сто литров супа варили, потому что много людей, детей было. Выжили... Помогала и врачам, и роженицам, ведь роддом не прекращал свою работу ни на минуту: только в период с 24 февраля по 15 апреля там родилось 27 деток... А Татьяну я повстречала в Ясиноватой, на заправке. Она живет в со-

седней Авдеевке, а в Ясиноватую приезжает на работу. Два года она находилась под обстрелами. Рассказывала, что в моменты прилетов по городу никуда не пряталась. Мол, какая разница, в подвале завалит или в доме. Рассказывала, как за продуктами, водой под обстрелами ходили, как хоронили людей в огородах и как потом зашли «наши» и стало легче...

Нашими Татьяна называла российские войска и... плакала. И я вместе с ней... Обнялись тогда мы с ней, как родные люди. Я физически почувствовала, что перенесла эта бедная женщина, пока не освободили город...

Еще одна моя новая знакомая — Любовь из Макеевки. Она — дежурная по переезду, когда-то на заводе работала дежурной стрелочного поста. Последние три года контролирует один из переездов Макеевки. Правда, говорит, что поезда сейчас редко ходят из-за атак дронов.

«Мы тяжело пережили обстрелы, — рассказывала Люба в нашу последнюю встречу. — Страшно, когда дом ходуном ходит. Над городом и сейчас постоянно дроны кружат, иногда прилетает. Но мы сильные, мы прорвемся». Понимаете — «мы сильные, мы прорвемся».

Я как это услышала от нее, всю мою усталость многочасовой поездки как рукой сняло. Ведь это говорит человек, который годами живет в состоянии войны...

А в одном из запорожских сел живет бабушка Валя. Ей 85, и она берет на постой российских солдат. За это в деревне ее недолюбливают некоторые односельчане. Но она упорно в любое время дня и

ночи накормит бойцов, даст крышу над головой и возможность хоть немного отдохнуть...

Глаза всех этих женщин будто преследуют меня. В них — словно тысячи прожитых жизней, а не одна. Те испытания, что выпали им на долю, не сломили их, а даже заставили стать сильнее. Они любят свой дом, малую родину, на которой выросли, где учились, работали, создавали семьи.

Да, больно смотреть, что их города превратились в груды камней, но, видно, такова цена свободы. Как они говорят, все можно отстроить заново, начать все сначала. Главное — жить в свободной стране, без страха за будущее своих детей и внуков...

Ночные госпитали, чьи-то бывшие квартиры, блиндажи и окопы, лесополосы, сожженные деревни — где только не пришлось побывать-почивать за эти три года.

И из каждой поездки я привожу

память: флаги, шевроны, вещи ставших мне близкими людей. Мой маленький музей постоянно пополняется и стал моим личным храмом памяти. Ведь многих ребят нет уже, а смотря на свои бесценные реликвии, я вспоминаю каждого, кто был их обладателем.

Они — Герои. «Домовой», «Старый, Заяц», «Страшина», «Мецхета», «Муха», «Стич», «Таган», «Седой», «Бур», «Актер», «Кианит», «Риф», «Остров» — список, к сожалению, не полный.

Они уже история СВО. И моя история, которую мне не забыть и не переписать...

«Ты едешь помогать»

В районной газете редко пишут про войну. Мы пишем про урожаи, благоустройство, школьные праздники и местных героев. И когда я сказала редактору, что **хочу поехать в Донецк, чтобы сделать репортажи из госпиталя**, в кабинете повисла пауза

ЖАННА ЗАРУЧЕЙНОВА, корреспондент Даниловской районной газеты «Северянка», Ярославская область

Это была не редакционная задача. Это была внутренняя потребность — увидеть своими глазами, как живут и воюют наши ребята, и рассказать об этом даниловцам, которые смотрят на войну через экран телевизора.

Редактор поддержал. Хотя переживал — и за меня, и за материал, который мог не получиться. Но он знал: если я решила, меня не остановить.

Я поехала в Донецк не как военкор, а как волонтер-журналист. Мы жили в двух палатах госпиталя с девушками-волонтерами. Всем им было за 50, я оказалась самой молодой. Работали по 14–16 часов в сутки. Принимали раненых и изувеченных бойцов прямо с «передка» — без санитарной обработки, в грязной одежде, иногда с осколками, застрявшими в теле. Мы мыли ребят влажными салфетками у приемной, переодевали в чистое белье, поили чаем, кормили бутербродами.

У меня не было готового плана. Я не знала, о чем буду спрашивать. Но ребята сами начинали говорить. Им было важно выговориться.

Один боец с позывным «Чапай» рассказывал, как провел год в плену у украинцев. Другой, «Джа», — как три месяца прятался в лесу, питаюсь дикими яблоками. Был парень из Донецка, которого считали без вести пропавшим. Он вышел к своим через три месяца — обросший, худой, с длинной бородой.

Его привезли к нам. Позвонили жене. Она быстро приехала и несколько раз прошла мимо мужа, не узнавая его. Когда поняла — рыдали все. Это была самая тяжелая и самая сильная сцена за всю поездку.

Мы работали и в реанимации. Меняли ребятам постельное белье, меняли подгузники, протирали камфорным спиртом спины от пролежней. Днем таскали

сотни литров воды по этажам, выносили мусор, перетаскивали тяжелые биксы, носили бойцов на носилках на процедуры. Когда привозили парней с тяжелыми ранениями, сердце обрывалось — жутко было видеть раны. Но в такие моменты я вспоми-

нала слова редактора Евгения Белова: «Забудь про свои страхи. Ты едешь помогать». Это стало моей опорой. Сложно было не разреваться прямо в палате. Но я знала: мои трудности — временные, а бойцов — до победного.

Самое тяжелое — это не усталость. Это глаза раненых. И «Аллея ангелов» в Донецке — список погибших детей, которых убили при обстрелах ВСУ. Каждое имя, каждая дата — как удар под дых. Это нельзя забыть. Я выбрала формат репортажа-исповеди. Не сухие вопросы — ответы, а погружение в ситуацию, где читатель идет за мной и видит все моими глазами. Это был не материал «о них», а материал «рядом с ними». Я не судила, не анализировала. Я просто была там. В Донецке можно было снимать — в отличие от Белгорода. Но я не злоупотребляла. Важнее было записать голос, сохранить детали, не пропустить момент. Телефон, диктофон, блокнот — вот и вся техника.

После публикации первых выпусков в газете ко мне подходили люди на улице. Благодарили. Говорили: «Спасибо, что рассказали правду». Одна женщина подошла и сказала: «Мой сын там. Я боялась читать новости, пока не увидела ваш репортаж. Теперь я знаю, что он не один». Другие спрашивали, будет ли продолжение. Одно дело — картинка по телевизору. Совсем другое — слова своего человека, который был там и видел все

своими глазами. Некоторые даниловцы до сих пор хранят подшивки с этой серией. Признаются, что иногда перечитывают. А я до сих пор на связи с бойцами. Им важны поддержка, внимание, простое человеческое: «Привет! Как ты?»

Материалы «Пусть нас боятся» не остались просто текстами. Они стали мостиком между жителями Данилова и теми, кто воюет. Люди стали лучше понимать, что происходит в Донбассе. И перестали бояться говорить об этом.

Мы трижды объявляли сбор. На третий день моей поездки приехали ребята с «передка» за гуманитаркой. И показали список медикаментов, который срочно требовался.

В октябре наши заходили в Покровск, было очень много раненых. Я позвонила редактору, он — нашим волонтерам. За час была собрана нужная сумма, и мы закупили парням все необходимое.

По возвращении домой мне опять прислали список лекарств. Мы объявили сбор в газете. Переводили днем и ночью! Но и на этом не все. Через две недели волонтер из Донецка вновь попросила помощи — ребята прислали список медикаментов.

В этот раз я не стала просить деньги, а опубликовала в газете сам список. И опять наши жители оказались на высоте: прино-

сили в редакцию даже то, чего не было в списке.

В итоге мы отправили в Донецк три коробки лекарств, а от детей сельской школы — две коробки сладостей к Новому году!

Для меня поездка стала точкой невозврата. Я поняла, что такие репортажи нужны. В мае ездила в госпиталь Белгорода, впереди — Курск.

Родной ГЕРОЙ

Порой судьба сама приносит в руки журналиста интересные темы, невероятных героев и даже новые проекты. Так и случилось с нашим «Родным героем»

АННА ГАВРИЛОВА-ГОЛЕМБОВСКАЯ,

директор программ ТРК «Липецкое время»,
военный корреспондент, волонтер СВО, Липецкая область

Сначала СВО я езжу на фронт к ребятам с гуманитаркой, снимаю с нашими воинами репортажи и интервью.

Тема СВО и патриотики занимает и большую часть моей жизни в тылу. В регионе многие знают, что это мои темы, поэтому люди и сами часто обращаются со своими историями ко мне через соцсети.

Так вышло и на этот раз. Ко мне обратилась Юлия Воротникова с просьбой рассказать историю ее погибшего на СВО мужа Сергея Воротникова.

Сергей был из Липецка, а вот Юлия — из Нижнего Новгорода, но она, ни на минуту не задумываясь, сказала, что придет на интервью в Липецк в любой день и в любое время. Настолько важно любящей женщине было почтить память мужа.

Первой мыслью было записать Юлию с ее рассказом в проекте классического интервью «на эмоциях», но вместе с главным редактором «Липецкого времени» Ириной Дмитриевой мы решили запустить новый, особенный проект «Родной герой», в котором именно родные люди (мамы, папы, жены, дети, братья, сестры, друзья) будут рассказывать истории своих воинов — тех, кто пал, сражаясь за русский мир, и тех, кто до сих пор за него стоит.

Мы хотели создать не просто проект рейтинговый и конкурсный, для нас было важно сохранить в истории имена и подвиги бойцов, которые на наших глазах пишут историю, и я надеюсь, что нам это удалось.

Как автор скажу, что над таким проектом работать очень сложно, особенно когда его героями становятся наши погибшие ребята.

Родные не скрывают эмоций, смеются, вспоминая детские шалости сегодняшних бравых бойцов, и плачут, рассказывая о их гибели.

И ты, стоял за камерой, тоже плачешь вместе с ними, потому что по-другому не можешь, потому что невозможно не пропустить через себя эмоции людей, которые потеряли своих родных героев...

Думаю, этот проект будет жить еще долгие годы, ведь мы только на старте, а хочется действительно рассказать и каждом родном для кого-то герое.

Кстати, благодаря проекту «Родной герой» на нашем телеканале появился и еще один — «Закрытый показ».

Теперь мы собираем в своей студии студентов, смотрим и обсуждаем с ними предпремьерные выпуски наших авторских проектов. Думаю, это очень здорово — вести такие диалоги с нашей аудиторией, как говорится, офлайн.

&

История, ради которой я ушла, или Побег с оперативки

У каждого журналиста есть свои профессиональные грехи. Кто-то опаздывает на мероприятия, кто-то забывает зарядить диктофон, а я однажды сбежала с оперативного совещания главы администрации района.

Причем **сбежала демонстративно и практически в самом начале**. Конечно, в тот момент я и не предполагала, что этот побег приведет к публикации, которая попадет в шорт-лист главного журналистского конкурса страны

ОЛЬГА КИСЕЛЕВА, директор — главный редактор газеты «Восход Ишимбай» Ишимбайского информационного центра, город Ишимбай, Республика Башкортостан.

Начиналось все максимально буднично. Ежедневное еженедельное оперативное совещание. То самое мероприятие, где журналист заранее примерно знает повестку, список выступающих и даже порядок жалоб на дороги, мусор и коммунальные проблемы.

Но тогда оперативка началась с вручения медали Шаймуратова ветерану СВО с позывным «Астах». Сразу после церемонии мужчина направился к выходу. А я, не дав себе времени подумать, рванула следом.

В тот момент где-то внутри меня боролись главный редактор и журналист. Первый дисциплинированно напоминал про рабочий план, второй шептал: «Ты сейчас упустишь историю». К счастью, журналист победил.

Опыт подсказывал, что разговаривать с участниками СВО бывает непросто. Многие не хотят общаться с прес-

сой. Кто-то устал от внимания. Кто-то не готов заново проживать тяжелые моменты. Но «Астах» неожиданно охотно пошел на контакт. Правда, тут же возникла новая проблема. В присутствии жены говорить подробно он отказался. — Давайте я потом в редакцию зайду, — пообещал ветеран.

Вот тут у меня возник повод для профессионального пессимизма.

За годы работы такие обещания я слышала не раз. Обычно после них герой исчезал где-то между «обязательно созвонимся» и «я наберу на следующей неделе». Телефон молчал, сообщения оставались без ответа, интервью растворялось в воздухе. Поэтому мысленно я уже попрощалась с этой историей. Когда спустя некоторое время набрала «Астаха», честно говоря, была морально готова услышать одни длинные гудки. Но он ответил. Голос в трубке обрадовал меня настолько, что, наверное, со стороны это выглядело немного непрофес-

сионально. В редакции я его ждала с искренним нетерпением.

Первые минуты интервью давались тяжело. «Астах» говорил короткими, рублеными фразами, почти без эмоций. Передо мной сидел человек действия, настоящий мужик старой закалки, из тех, кто привык делать, а не рассказывать. Каждый журналист знает это чувство. Ты задаешь вопрос, а в ответ получаешь не развернутую историю, а два-три предложения, после

которых приходится буквально искать следующую ниточку разговора. Но постепенно я начала не столько слушать, сколько наблюдать за собеседником. Заметила, что на темах, которые действительно его задевали, «Астаха» выдавал голос — он вдруг становился чуть громче или, наоборот, заметно тише. Потом обратила внимание на язык тела. Когда воспоминания были тяжелыми, мужчина отклонялся назад. Когда разговор касался чего-то важного — подавался вперед. Вспоминая особенно сложные моменты, он скрещивал руки.

Шаг за шагом между мной и героем возникало главное — доверие. Он понял, что я не собираюсь вытаскивать сенсации любой ценой. Не пытаюсь влезть в душу грязными сапогами, не стану провоцировать. И тогда история начала раскрываться сама, а я поняла, каким должен быть материал. Не хотелось писать только про боевые действия, превращать человека в набор подвигов, дат и наград. А хотелось показать личность, мужчину, прошедшего через страшные испытания, но сохранившего способность смеяться, переживать за испорченную татуировку, беречь

плюшевого медведя и благодарить волонтеров за шерстяные носки. Мне важно было не превращать текст в череду шокирующих подробностей. Главное — оставить в центре героя, его характер, выбор, внутренние изменения. Наверное, именно поэтому в публикации так много внимания уделено не только словам, но и наблюдениям: интонациям, жестам, паузам.

Отдельной удачей считаю то, что «Астах» оказался удивительно честным собеседником. Он не пытался выглядеть героем, не рассказывал о подвигах с пафосом, не требовал восхищения. Наоборот, самые сильные эпизоды приходилось буквально вытягивать дополнительными вопросами.

А когда речь заходила о спасенных товарищах или собственных наградах, он говорил так, будто рассказывает о замене колеса на машине. Наверное, именно это и произвело самое сильное впечатление.

После публикации читатели реагировали очень эмоционально. Одни благодарили за возможность увидеть живого человека за сухими словами «ветеран СВО». Другим особенно запомнилась история про игрушечного медведя. Кто-то при-

знавался, что впервые дочитал столь большой материал до конца. Для газеты это дорогого стоит. Мы часто переживаем, что современный читатель не готов к большим текстам. Но практика снова показала: если история настоящая, если герой настоящий, если журналисту удалось установить доверие, люди будут читать даже очень длинный материал.

Иногда журналистская удача выглядит не как яркая командировка или эксклюзивное расследование, а как решение встать со стула посреди оперативного совещания и побежать за человеком, который выходит из зала.

А еще эта история напомнила мне, зачем вообще существует районная журналистика. Мы рассказываем не про абстрактные события, а про людей, наших соседей, про тех, кого можно встретить на улице, в магазине или на остановке, про простых мужчин и женщин, которые своими поступками меняют мир вокруг себя.

Мой герой «Астах» — один из них: 45-летний представитель поколения, которое пережило лихие девяностые, научилось держать удар и брать ответственность на себя. Когда Родина позвала, он пошел туда, куда многие не решились бы пойти. Мне кажется, именно такие люди сегодня — основа нашей страны. И пока у журналистов есть возможность записывать и сохранять их истории, наша работа остается по-настоящему важной.

&

Реквием по районкам (но это не точно)

Маргарита Яковлева, ставшая победительницей Всероссийского фестиваля ВОИ по парусному спорту, Валерий Грабовский, давший название одному из притоков Таза, Вячеслав Ларионов, героически погибший в зоне проведения специальной военной операции. Это герои материалов, выбранных мной для участия в конкурсе

СЕРГЕЙ КВАСОВ, обозреватель АНО «Информационно-издательский центр «Светлый путь»,
Нижнетавдинский округ, Тюменская область

Совершенно разные области и темы, однако их объединяет не только то, что они являются уроженцами или жителями Нижнетавдинского округа, но и незримые нити, которые связывают автора с его героями.

В ОМУТ С ГОЛОВОЙ

Творческий корпус редакции газеты «Светлый путь» состоит из четырех обозревателей. Это роскошь для районки, согласен, но пара человек трудится на полувину ставки.

У каждого из нас — свои сферы ответственности (кроме направлений, которые невозможно охватить в одиночку). А самое главное — журналисты тесно связаны со своими областями, так как являются не только сторонними наблюдателями, но и деятелями.

Я курирую спорт и сам являюсь спортсменом. Но не только — также возглавляю местное отделение Федерации спорта лиц с поражением опорно-двигательного аппарата. В 2014 году про-

изошел несчастный случай, получил травму, а за ней и группу инвалидности. С тех пор занимаюсь широкой пропагандой адаптивного спорта, в том числе и с помощью собственного примера.

Маргарита Яковлева, ставшая триумфатором Всероссийского фестиваля ВОИ (Всероссийское общество инвалидов, общественная организация, которая дарит своим членам безграничные возможности) по парусному спорту, — коллега, о спортивной жизни которой я знаю многое. Она стала лучшей среди женщин в классе радиоуправляемых яхт. Пока она возвращалась из Челябинской области (с золотом и знанием, что по приезду должна побеседовать со мной), я время зря не терял: изучил все тонкости дисциплины, связался с организаторами, получив весь расклад по участникам, позаботился о фотографиях. Интервью было живым и глубоким, потому как с основами я уже был знаком. О чем хотел сказать?

Мастер Маргарита

Нижнетаудинка стала победителем Всероссийского фестиваля по парусному спорту

Светлана

В Нижнетаудинке прошел Всероссийский фестиваль парусного спорта. В нем приняли участие команды из разных регионов России. Победу одержала команда из Нижнетаудинки.

В соревнованиях участвовали команды из разных регионов России. Победу одержала команда из Нижнетаудинки.

Команда из Нижнетаудинки на финише.

Победитель соревнований — команда из Нижнетаудинки.

В соревнованиях участвовали команды из разных регионов России. Победу одержала команда из Нижнетаудинки.

Не о тщательной подготовке журналиста, а о том, что горячие пирожки взять будет неоткуда, если не растопить печь.

ЖЕМЧУЖИНЫ — ВНЕ ПЛАНА

Журналисты должны планировать! С этим никто не спорит, список какой-никакой должен быть у каждого, но все самые интересные материалы вырастают перед тобой неожиданно, случайно, когда, видимо, звезды сходятся в какой-то определенный танец. Тут главное — не проглядеть, услышать, зацепиться. Так родился материал «Сибиряк на краю земли». Я широко освещаю деятельность сообщества «Отзывчивые добротворцы и ветераны-пограничники Нижнетаудинского округа». Это масштабная общественная сеть, занимающаяся обеспечением земляков, участ-

Он здесь, в наших сердцах

В Андричино состоялось торжественное открытие мемориальной доски Ларионову Вячеславу Андреевичу

Григорий

В Андричино состоялось торжественное открытие мемориальной доски Ларионову Вячеславу Андреевичу.

Мемориальная доска Ларионову Вячеславу Андреевичу в Андричино.

В Андричино состоялось торжественное открытие мемориальной доски Ларионову Вячеславу Андреевичу.

Мемориальная доска Ларионову Вячеславу Андреевичу в Андричино.

В Андричино состоялось торжественное открытие мемориальной доски Ларионову Вячеславу Андреевичу.

вующих в специальной военной операции, гуманитарной помощью. Кто-то плетет маскировочные сети, другие — заливают окопные свечи, Николай Семенов изготавливает саперные щупы и кошки, ячейка из Средних Тарман занялась созданием специальных накидок для штурмовиков, а Валерий Грабовский делает кашу с мясом и консервы и отправляет на передовую. Много факторов мешало нам встретиться с последним, но вот этот день настал, и я, счастливый, приезжаю в гости, чтобы осветить его гуманитарную миссию. Оказалось, мой герой больше половины своей жизни провел на Крайнем Севере, в совершенстве знает ненецкий язык и даже дал название одному из притоков Таза. Можете представить мой восторг? Конечно, пришлось все это уместить в газетную полосу. Проблем с лако-

Сибиряк на краю земли

О жизни Валерия Грабовского на Ямале, особенностях уклада жизни ненцев и многом-многом другом

Светлана

В Нижнем Тагиле родился журналист Валерий Грабовский. Он много лет живет на Ямале, где работает журналистом.

Валерий Грабовский на Ямале.

В Нижнем Тагиле родился журналист Валерий Грабовский. Он много лет живет на Ямале, где работает журналистом.

Валерий Грабовский на Ямале.

В Нижнем Тагиле родился журналист Валерий Грабовский. Он много лет живет на Ямале, где работает журналистом.

ничностью нет, но о таких людях нужно целые романы писать.

ГОРЬКО И БОЛЬНО, НО НАДО

Герои специальной военной операции встают в один строй с теми, кто ковал Победу в Великой Отечественной войне. На стенах школ появляются новые мемориальные доски, правнуки истребителей фашизма пишут свои страницы в истории нашей страны. На боевом задании погиб молодой офицер. Не просто погиб — ценой своей жизни предотвратил продвижение врага. А дома — жена и маленький сын. Открытие памятной доски — в день, когда ему должно было исполниться тридцать лет. Больно. Очень больно. В нашей профессии бывают моменты, которые не хочется проживать. Щелкать фотоаппаратом настолько неудобно, что хо-

чется провалиться на месте. Рыдающие мать и вдова, боевой товарищ, чей голос дрожит, воспоминания друзей, которые помнят его беззаботно носящимся по коридорам родной школы... А ты прекрасно знаешь, что он был мастером спорта по гирям, что с отличием окончил инженерное училище, что участвовал в военной операции в Сирии. Руки дрожат, слезы катятся, но работать все равно надо. Но ни в коем случае не нужно разговаривать ни с родственниками, ни с друзьями. Только не сегодня.

И ЧТЕЦ, И ЖНЕЦ, И ВЛАСТИЛИН КОЛЕЦ

Наверняка из этих маленьких историй вы, уважаемые коллеги, поняли, что в нашем издании каждый обозреватель еще и фотограф. Отдельной ставки фотографа у нас нет.

И потому мы работаем сразу на несколько фронтов. В печать — материал и фотографии, а в сетевые издания — фото- и видеорепортажи. Зачастую это делает один журналист.

О переходе в интернет-пространство можно говорить бесконечно. Для человека, который перенимал основы ремесла у советских газетчиков, посвятивших своему делу больше тридцати лет, это болезненная тема. Я люблю свою работу, ставшую газетной полосой, а не постом в социальной сети или страницей на сайте, которые спустя час пропадут под ворохом иной информации.

Газета становится театром — площадкой, где разворачивается настоящее действие.

Кино же (сетевые издания, блогеры и иже с ними) — масскульт за очень редким исключением.

Печально, но таковы законы времени. Остается бороться за свою аудиторию всеми возможными способами и (процитирую нашего главреда) продолжать делать по-настоящему качественную колбасу.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

- «Журналист должен видеть необычное в обычном».
- «Больше грязи — в князи».
- «Нужно писать о людях: это всегда интересно».

Нет, товарищи, единого пути к хорошей жизни информационного издания нет. Сколько угодно можно сотрясать воздух о тенденциях в журналистике, но она меняется каждый день.

И потому нужно не бояться экспериментировать.

В нашей газете частенько просят скинуть QR-коды, которые содержат дополнительную информацию (видео- и фоторепортажи, расширенные версии материала и тому подобное).

Это лишь один из примеров.

И в обратную сторону тоже можно: материалы газеты не найти в сети, они оригинальные целиком и полностью, и каждый выпуск мы анонсируем в социальных сетях.

Чтобы привлечь внимание к нашему изданию, мы широко показываем нашу общественную

жизнь. Мы организовали собственную Спартакиаду к юбилею газеты (в октябре нашей старушке исполнится 95 лет), принимаем участие во многих акциях и состязаниях в муниципалитете, входим в организационные комитеты фестивалей и конкурсов. Жители округа знают о журналистах почти все.

Два года назад запустили специальный проект в социальных сетях «Выходной со «Светлым путем». В его рамках с помощью коротких видео сотрудники рассказывают о своих увлечениях, делятся рецептами и садово-огородными успехами. И охваты, и открытость.

Но вернемся же непосредственно к газете. Ей тяжело, она задыхается, она пропадает в информационном хаосе. В селе это чувствуется особенно остро.

Знаем, что у некоторых коллег кадровый голод, и это весомая причина для упадка и сокращения аудитории.

Но у нас трудятся специалисты широкого профиля, вкладывающие душу в каждый номер. Почему же заветные цифры падают? На сей счет — великое количество исследований.

А что же делать? Рецепта нет, но вы держитесь. Конечно, есть примеры успешных районов, но это обусловлено чисто локальными факторами. Универсального шаблона не существует. Но руки опускать некогда (и голову поднять — тоже).

НАСТОЯЩИЕ ПАТРИОТЫ **ЕСТЬ**

Тема защиты Родины всегда была для меня особенной. Ранее я часто писала о ветеранах Великой Отечественной войны, а с 2022 года — о героях специальной военной операции. И заметила, что у них много общего

ЕВГЕНИЯ КУЛЯБИНА, корреспондент газеты «Апшеронский рабочий», город Апшеронск, Краснодарский край

Это способность видеть дальше личных интересов, поддержка близких и вера в Победу, подкрепленная поступками. О таких людях невозможно молчать.

Одни из них — семья Клепиковых. С супругой героя Олега, Натальей, я познакомилась через коллегу. Олег Клепиков, наследник героя Великой Отечественной войны, добровольно отправился на СВО в свои 56 лет.

Его опыт и желание поддержать молодых бойцов, а главное — обеспечить безопасность будущих поколений, стали решающими. Наталья посвятила себя ожиданию мужа, перечисляя средства волонтерам на нужды бойцов.

Другой пример — Юрий Гусев. Моя встреча с ним состоялась у него дома в Апшеронске. Простой, немногословный и скромный парень. Рядом — мама и супруга, его тыл, благодаря которому, по его словам, он выжил. На боевом задании отряд Юрия попал под артобстрел. Он остался единственным выжившим, получив тяжелые ранения. Возвращаясь ночью к своим под выслеживанием дронов, чудом добрался до командования. И тут же выяснилось, что прошел он по заминированной территории. словно кто-то сберег его от дронов и мин.

Работа над обеими статьями вышла за рамки обычных интервью. Это было теплое, глубокое общение, наполненное доверием. Семьи героев охотно делились воспоминаниями, мыслями, фотографиями.

И я тоже поделилась с ними своим личным опытом, переживаниями. Мой супруг Михаил добровольно отправился в зону специальной военной операции. В это время я искала способы поддержать его и наших бойцов. Участвовала в плетении маскировочных сетей, вносила лепту в сбор гуманитарных грузов, писала журналистские статьи о героях и, конечно, молилась. И однажды, когда муж был плечом к плечу с товарищем, вражеский дрон сбросил на них мину. Това-

рищ погиб на месте, сгорев буквально дотла. Михаил был тяжело ранен. Госпиталь, куда я приехала к нему, был полностью занят ранеными бойцами. Одни были без рук, другие без ног, тяжелые... Некоторые уже вставали, разговаривали. Удивительно, но от них я не услышала недовольства, злоречия. Они качественно другие люди, на порядок выше. Атланты, на руках которых держится Отечество. В процессе подготовки материалов я стремилась передать максимум деталей, но приоритетом оставалась суть — показать героизм и человечность.

Публикации вызвали большой отклик. Читатели звонили героям и мне, благодарили и говорили о важности рассказов о героях. Судя по отзывам на такие истории, я понимаю, что они вдохновляют и напоминают о том, что в мире есть место мужеству, самоотверженности и безграничной любви к своей стране. В противовес распространенному мнению о повсеместном эгоизме и равнодушии в обществе, я вижу другое: настоящие патриоты есть, и именно они являются залогом силы и будущей победы нашей страны.

&

«Верните мне шестнадцать...»

Это не просто название материала о погибшем бойце. В эти строки заложен огромный смысл... Ваня — друг моего детства, и именно в таком возрасте я его помню. В том далеком беззаботном прошлом мы навсегда останемся друзьями, которым по шестнадцать. Там все впереди: первая любовь, победы и падения. Там Ваня — солнечный мальчишка, который еще не видел, что такое смерть и война. Это словно **другая реальность, не знающая страшной стороны жизни**

ТАТЬЯНА БУРКОВА, корреспондент газеты «Опаринская искра», поселок Опарино, Кировская область

В о Всероссийском конкурсе на лучшее журналистское произведение принимаю участие уже второй раз. Впервые решила попытать удачу в конкурсе «Лучшее журналистское произведение — 2025», отправив три материала.

Радости моей не было предела, когда на почту поступило письмо со словами о том, что из 730 заявок, присланных на конкурс, сформирован короткий список номинантов, в который вошла и моя заявка. Может это прозвучит нескромно, но тогда приятная новость не стала для меня полной неожиданностью. Я верила в свои силы!

В этом году было все иначе...

В данный момент я нахожусь в декретном отпуске по уходу за моей маленькой доченькой Викторией. Зачастую декрет — это время, где каждый новый день похож на предыдущий. И, чтобы не зависнуть в суе cyclicных «мамских будней», нужно хотя бы иногда выходить в свет. Скажу честно, в этом

году уже не было былого оптимизма, когда я отправляла журналистское произведение, поэтому приятная новость, что меня выбрали, была полной неожиданностью.

...

Когда я прослушала песню «Верните мне шестнадцать» в исполнении Вани, я поняла: именно так должен быть назван материал о моем друге. Это своего рода какой-то пророческий голос из прошлого: «На самом деле я мечтаю, хочется признаться, чтобы услышали меня там, наверху... Верните мне мои шестнадцать...».

Я помню, как мама сообщила мне, что 28 сентября 2022 года она проводила на СВО моего друга детства Ваню со всеми мобилизованными Опаринского муниципального округа. Это был первый призыв в моем родном поселке.

Потом мама рассказывала: «Собрав волю в кулак, скрывая слезы, я подошла к Ване, чтобы сказать ему добрые слова, тем

самым поддержать его. Но на самом деле это он пытался меня приободрить, говоря, что все будет хорошо. А на прощание сказал: «Передавайте привет Танюшке (то есть мне)».

В настоящее время для меня тема СВО, как и у большинства

журналистов, является одной из самых актуальных. Делать материалы с бойцами, которые приходят в отпуск, куда проще, нежели писать о погибших героях...

Вот и в этот раз меня посетила мысль написать о своем друге-Герое. Это был конец февраля 2024 года. Я узнала, что Ваня в отпуске и находится в родном поселке. В известной социальной сети отправила ему сообщение с предложением. Тогда мой друг тактично, извинившись, отказался, сославшись на то, что не хотел бы обсуждать такие темы... Этот диалог оказался нашим последним... Летом того же года я узнала страшную новость, что, защищая Родину, мой друг погиб. Мой мозг отказывался верить в случившееся. «Такие солнечные люди, как Ванечка, не уходят из жизни. Так быть не должно», — думала я.

Признаюсь честно: именно это слово — «страшно» — здесь наи-

более подходящее. Мне было страшно позвонить его маме с просьбой встретиться и поговорить о погибшем сыне...

Шло время... На дворе было лето 2025 года. Целый год прошел с момента гибели Вани. «Сейчас самый правильный момент, чтобы вспомнить о Герое, увековечив о нем память на страницах нашего издания», — подумала я. С мамой друга моего детства Ольгой Петровной мы договорились встретиться дома. Я понимала, что для нее этот разговор будет непростым. А значит, мне уж точно нужно взять себя в руки и держаться.

В доме, куда бы ни упал мой взор, все напоминало о моем погибшем друге: стена с его фото-снимками, его награды и кубки за заслуги в спорте...

Здесь будто боялись хотя бы на немного перестать о нем думать. Я видела, что мама Ванечки готовилась к нашей встрече — на

столе стоял чайный сервис и торт. При разговоре ее руки чуть-чуть дрожали, когда она перелистывала страницы школьных дневников сына. Когда у Ольги Петровны начал дрожать голос и подступали слезы, я понимала, что должна держать ситуацию под контролем, и начинала уводить наш разговор в другое русло. Я вспоминала о нашем детстве с Ваней, будто Ваня все еще живой, но где-то далеко, а я просто зашла к ней поболтать за чашкой чая. Из нашего диалога я поняла, насколько ей важно знать, что она не одна в своем горе, что есть люди, которые помнят Ваню и пытаются всячески поддержать.

Здесь хотела бы остановиться на одном моменте. Участники группы «Стая» спустя год после гибели Ивана посветили его памяти трек «Огоньки». В треке вставками звучит голос Ромео (студийный псевдоним Ивана). Кстати, номер с материалом о Ване вышел тоже накануне годовщины после его гибели. Ни для кого не секрет, что социальные сети в наши дни являются мощным ресурсом для распространения информации.

Руководствуясь этим, я опубликовала документ с материалом о друге на своей странице ВКонтакте. Множественные лайки, репосты и сообщения под постом и в личку дали мне уверенность в правильности моего действия.

Еще не могу не поделиться одной из сложностей, которая возник-

ла в подготовке конкурсной работы. У меня на руках была рукопись стихотворения, которую я опубликовала в материале. К моему сожалению, в полном объеме в печать ее не допустили. Сказали, что несколько строчек нужно убрать или заменить другими словами. Я расстроилась: «Как же так? Он же отдал свою жизнь, чтобы жили мы... Это такая малость, что можем для него сейчас сделать мы. Просто донести его го-

лос этими строчками, как хотел он... Заменить другими словами? Да так же нельзя... Это кощунство какое-то, иначе не назвать». В итоге я приняла решение одно четверостишие убрать совсем. Зачастую можно слышать фразу, что герои нашего времени — обычные парни. А вот Ваня был необычным... За сильным волевым мужчиной стояла тонкая, ранимая душа. Недаром его называли «Юным Романтиком».

Даже там, на передовой, он писал стихи и верил, что вот-вот все закончится, что вернется домой, где будет совсем другая жизнь — без войны. Очень необычно получается, но и эту работу я пишу накануне второй годовщины после гибели Ивана. Это своего рода возможность еще раз вспомнить и почтить память о Герое.

&

Как трудно ждать... Как трудно не ждать

Колывань — поселковое поселение в 60 км на юго-запад от Самары. Население не достигает и двух тысяч жителей. Картина во многом типична для большинства российских малых поселений

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ, заместитель главного редактора телеканала «День 24 Новокуйбышевск», город Новокуйбышевск, Самарская область

Когда-то это был колхоз. В 1990-е годы, как и во многих подобных местах, хозяйство пришло в упадок — земли и активы распродавались. А в 2000-х наметился поворот: местные жители и новые аграрные проекты стали возрождать сельское хозяйство, снова начали засевать поля.

Поводом приехать сюда стало участие местного вокального коллекти-

ва в конкурсе «Песни Победы», который проводил телеканал «День 24 Новокуйбышевск». Участники ансамбля прислали запись на телевидении и неожиданно заняли первое место.

И вот по следам победителей решили сделать репортаж из Колывани. И еще одним поводом для приезда нашей съемочной группы послужило открытие памятного уголка об ушедших на фронт земляках в местном Доме культуры.

СЕЛО — НЕ ГОРОД (НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ)

Приезд гостей, да еще с телевидения, — это больше, чем событие. Здесь, на земле, все по-другому. В городе порой не знаешь соседей по площадке, а здесь же кажется, что все знают, кто и чем живет. И иногда возникают подозрения, что как минимум половина — это родственники. Почему нет? Может, оно и так.

Будучи человеком городским, как вся съемочная группа, мы сразу почувствовали эту удивительную сельскую близость. Здесь сразу попадаешь в водоворот событий и совсем забываешь, что не местный. Прошло каких-то минут пять-десять, и нам уже рассказывают, как тут живут. Удивительно, как раскрываются во время интервью простые русские характеры.

Интервью действительно часто становится тем самым моментом, когда человек раскрывается по-новому — не через стереотипные ярлыки, а через свои настоящие истории, ценности и поступки.

И дело тут не только в словах, но и в том, как человек ведет себя в диалоге. И что важно — у каждого члена этого вокального коллектива кто-то из близких находится на СВО.

Изначально мы планировали ограничиться репортажем, но в какой-то момент поняли: материал требует глубины. Вернувшись на студию, столкнулись с реальностью: отснятого видео явно не хватало, да и акценты надо было расставить другие. Например, как женщины переживают разлуку с близкими. Стало ясно, что нужно переснимать часть интервью. Пришлось собираться во вторую поездку.

КАК ТРУДНО ЖДАТЬ, КАК ТРУДНО НЕ ЖДАТЬ

Название будущего фильма пришло сразу, как только мы вошли в сельский Дом культуры. В холле справа от входа размещен памятный уголок. Точнее, стенд, на котором расположены фотографии земляков, ушедших на СВО.

На мой взгляд, символичность момента кажется особенно пронзительной: рядом с фотографиями живых размещены снимки погибших бойцов. Нельзя забывать, что речь идет о небольшом селе, где все на виду. Каждый из погибших — кому-то брат, отец, сын, школьный друг или просто сосед.

Из всего отснятого материала выбрали два интервью. У Екатерины Мурзаевой — два брата, которые сейчас участвуют в СВО. У Евгении Железкиной — трагическая история: ее муж ушел по контракту и погиб.

На первый взгляд, это две разные судьбы. Но в них отражается одна большая история всей страны — боли, мужества и стойкости, через которую проходит множество российских семей.

Разговаривая с нашими героинями, мы старались впоследствии передать на монтаже те же чувства, слова и мысли, которыми они живут, работают, воспитывают детей. И ждут...

Меня как-то спросили: «Так что труднее — ждать или уже не ждать?» Я отвечаю честно: «Не знаю». У Евгении пять детей, муж погиб, что-то не сложилось с родственниками. Трудно ей? Конечно. У Екатерины — братья на войне, и каждый новый день для нее — день ожидания. Трудно ей? Несомненно.

Хочется сказать спасибо нашим героиням, что не побоялись говорить о сокровенном. Для этого тоже нужна смелость.

ТЫЛ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ТЕРРИТОРИЯ

Сельский Дом культуры стоит напротив памятника солдатам — участникам Великой Отечественной войны. Напоминая нам, что все это уже было 80 лет назад. В каждом доме хранятся старые фотографии, на которых наши бабушки и дедушки, еще молодые, смотрят на нас с надеждой. Так же, как и современные герои смотрят на нас с этой памятной доски.

Сейчас много пишут о СВО. О наших воинах, которые мужественно защищают Родину на передовой. А вот слово «тыл» давно приобрело новое значение.

Это не какая-то территория, ограниченная на карте, это наши сердца в городах и деревнях. Как показывает жизнь, чем меньше поселение, тем ближе воспринимают горечь потерь.

И НЕМНОГО О СЪЕМКАХ

Так получилось, что второе интервью и большую часть материала мне пришлось снимать на телефон. Это было весьма рискованно, боялись, что на монтаже картинка телефона «разойдется» с картинкой видеокамер.

Боялись напрасно. С такими техническими параметрами гаджетов можно и нужно снимать. Это для меня был новый опыт. И мне показалось, что результат успешен. Конечно, телефон не заменит профессиональную камеру, но как вспомогательная камера — весьма отличный помощник. &

Слышать, видеть, не обидеть

Про поддержку бойцов журналисты газеты «Трудовая новь» стали писать с самого начала спецоперации. Публикации удивляли: жители города Рассказово и Рассказовского округа демонстрировали равнодушие, желание отдать защитникам то, чем богаты, приносили в пункты сбора консервированные огурцы и малиновое варенье, делились урожаем картошки, медом и салом, дети отправляли трогательные рисунки и письма

ИРИНА БАРАНОВА, заместитель главного редактора газеты «Трудовая новь» города Рассказово и Рассказовского округа Тамбовской области

Земляки показали, как оперативно умеют решать новые задачи: учиться плести маскировочные сети, находить для них материалы, про которые ещё вчера не слышали, вовлекать полезных для дела людей, которые, например, могут смастерить деревянную раму или смотать в рулоны нарезанный материал и этим значительно сэкономить время тем, кто плетет.

Хочется надеяться, что читатели вместе с нами ахнули, когда только одна из действующих мастерских изготовила тысячу масксетей, предприниматели отправили ребятам «за ленточку» мотоцикл, педагоги, ученики и живущие рядом со школой отправили целый грузовик продуктов и предметов, делающих быт бойцов немного легче.

Все это время мы рассказывали и о мужчинах, добровольно решивших отправиться на СВО. Каждый попавший в поле зрения воин стал потенциальным героем публикации.

Вячеслава Линкера я увидела на празднике, где земледельцы подводили итоги года. Конечно, в первую очередь взгляд зацепился за камуфляж. Воспользовавшись моментом, договорилась о встрече. За чашкой чая (так принято у нас в редакции) мы проговорили два часа. Уже в первые минуты я поняла,

что человек с такой судьбой — журналистская удача. До СВО мой собеседник работал на космодроме «Восточный», на спецоперацию отправился, так как понимал, насколько его медицинское образование и опыт там необходимы, скольким ребятам он может помочь. Служил в отряде «Черная

мамба» (для тех, кто не знает, это подразделение направляют в самое пекло).

Неравнодушный, человечный, с огромным жизненным багажом, Вячеслав Линкер дал мне богатый материал для публикации и главное — понимание, насколько важна ребятам поддержка из дома.

Его жена Марина Линкер на тот момент собиралась в двадцатую поездку с гуманитарной помощью. Особенно поразило, что эта необыкновенная женщина собрала средства, нашла поддержанный УАЗ, приобрела его, отремонтировала и сама, за рулем, отогнала сыну.

С этого момента выбора у меня не было: не написать о Марине Линкер я не могла. Как и муж, она легко пошла на контакт, и уже через несколько дней мы пили чай в редакции уже с ней.

В этот раз мне, наверное, повезло еще больше — Марина рассказала много интересного, а главное, полезного для других людей. От нее я узнала, как жить дальше, если твои мужчины ушли защищать Родину.

«Выход здесь только один — помогать», — уверена волонтер. Почему так ценятся «за ленточкой» обычные влажные полотенца, какие продукты предпочтительнее в посылках — все это она знает не понаслышке.

Очень откровенно собеседница делилась подробностями поезда, когда отгоняли УАЗ, названный в честь погибшего друга «Кузнец», как, разыскивая воинскую часть, попали на минное поле, как ударили от задержавшего их блокпоста.

На этот раз передо мной стояла задача из богатого материала взять самое значимое, сохранив при этом личность моей героини, в которой удивительным образом сочетаются любовь к сыну и мужу и отчаянная смелость, умение обратиться за помощью и отдать свое, а также много других качеств.

При этом помнить, что читать будут и ее родственники, и посторонние люди, и ненароком не обнародовать те сведения, которые могут ей навредить.

Интересно, что Марина Линкер добавила меня в группу, где общаются ее единомышленники, публикуются отчеты о доставленной гуманитарной помощи, видео, как женщины готовят бойцам сотни домашних котлет или выпечку. После нашего разговора она поделилась там эмоциями.

«Сегодня два часа пила чай с конфетами в редакции нашей газеты», — рассказала волонтер. И кто-то из участников заметил: «Эх, не ту работу я выбрал».

Вот так воспринимается труд журналиста. Просто пьешь чай с интересными людьми. Меня же распирало изнутри то «богатство», которым поделилась со мной собеседница. Этот творческий зуд прошел, только когда я выписала наш разговор.

До этого момента все мысли были о том, как выстроить композицию материала, особенно начало, чтобы читатели не бросили его, не дойдя до самого важного и интересного, чем закончить, чтобы текст остался в сердце если не каждого, то многих.

Хочется надеяться, что эта формула — видеть в каждом участнике событий нашей современной истории потенциального героя публикации, разговорить его и услышать все, что он хочет донести до окружающих, — будет работать и впредь.

Тогда читателей газеты «Трудовая новь» ждет еще не один западающий в душу материал.

Статьи — как страницы Дневника благодарности

На одном из форумов, где собрались коллеги-журналисты со всей России, работающие с темой СВО, модератор встречи со сцены спросил, какими словами мы начинаем интервью с нашими героями. Из зала зазвучали разные предложения, но я вдруг осознала, что сразу после слов «добрый день» я почти всем своим героям говорю: «Спасибо!»

ЕКАТЕРИНА АЛАВЕРДЯН, корреспондент газеты «Белгородские известия» АНО «Издательский дом «Мир Белогорья», член Союза журналистов России, город Белгород

Искренне и от всего сердца — за то, что не уехали и не бросили город и регион, как поступили многие, испугавшись трудностей приграничной и прифронтовой жизни; за то, что продолжают трудиться, защищать и спасать белгородцев в самые трудные дни для приграничья. И каждая новая статья в газете — это очередная страница Дневника благодарности, который ведем я и мои коллеги-журналисты прифронтовой области.

ГЕРОИ ПЕРВОЙ ПОЛОСЫ

С женским экипажем скорой помощи приграничного поселка Майский Белгородского округа мы встречаемся в канун их профессионального праздника. В этот день нам просто повезло: водитель задержался на техническом обслуживании автомобиля, но уже возвра-

щался из автосервиса. И у девочек — Юлии и Олеси — было не больше часа, чтобы рассказать о себе. Добрая и заботливая, терпеливая и мудрая — вот портрет наших героинь буквально в нескольких словах.

На скорой, которая изо дня в день выезжает на вызовы после обстрелов со стороны ВСУ, когда счет идет на секунды, — такая у них работа.

Разговор шел откровенный. Девчата уже много лет трудятся в системе здравоохранения, и им есть что вспомнить и о чем поговорить по душам. Много, конечно, не вошло в итоговый вариант статьи. Слова о том, что население с началом СВО все же повернулось к медикам лицом и простые жители стали ценить труд врачей и медсестер, а не встречать их у порога со словами «вы должны!» и не требовать «все-го и сразу», и о том, что специалистов на скорой в приграничье не

хватает и им приходится работать без выходных, и о том, что каждый их выезд сопряжен со смертельной опасностью и что работать приходится в бронежилетах и касках, которые сильно мешают при оказании первой помощи, пришлось оставить, как говорится, за полосой. Да и задача стояла другая — показать простых русских женщин, продолжающих работать в ежедневно обстреливаемом городе, под звуки сирен и взрывов.

«Успели! Спасли! Живой!» — так в трех словах описывают они свое дело, и это главная цель героев первой полосы, чья повседневная работа — спасать несмотря и вопреки.

СЕРЬЕЗНЫЙ, ВЗРОСЛЫЙ И С АПТЕЧКОЙ В РУКАХ

Материал о подростке с позывным «Медведь» вошел в серию конкурсных работ не случайно. Да и сам юноша стал героем первополосной публикации вполне заслуженно. Михаил Фетисов живет в шебекинском селе Маслова Пристань — до госграницы от его дома не больше пяти километров. 14-летний юноша — взрослый не по годам.

Он рано научился принимать решения и брать ответственность за себя и за других. Своими уверенными действиями он спас несколько жизней. Когда небольшая заметка о его поступке (после очередного обстрела школьник, вместо того чтобы прятаться дома в подвале или, чего хуже, снимать видео для соцсетей на месте прилета, схватил аптечку и побежал помогать раненым) появилась на странице соцсети местного ДОСААФ, желание поговорить с парнем появилось мгновенно. Хотелось посмотреть на это-

го подростка, который так значительно отличается от большинства своих сверстников. Серьезный, взрослый и с аптечкой в руках — таким он предстает перед нами, а затем и перед читателями издания. В тот день, когда его помощь стала уже не нужна и кареты скорой помощи забрали всех пострадавших, он просто пошел домой — не ждал слов благодарности, не искал славы и был удивлен вниманию к своему поступку.

Сдержанно и по-взрослому он рассуждает о произошедшем. «Не могу иначе!» — так он объясняет не только тот день, но и свое решение стать военным врачом. А родные гордятся своим «Медведем»: вырос настоящий мужчина.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР

Уверена, что коллеги-корреспонденты подтвердят мои слова: участники специальной военной операции, их родные, близкие, да порой и ветераны боевых действий, отказываются давать интервью — не хотят известности и всерьез опасаются за свою жизнь и жизнь членов своей семьи.

Но кадровый офицер Владимир Незговоров сразу соглашается на фотографирование: «Мне нечего

скрывать. Сражаюсь с врагом с открытым лицом. Как настоящий мужчина. В честном бою».

Как это часто бывает, многие мужчины не сильно словоохотливы. На все вопросы у них есть только два ответа: «да» и «нет». А то и вовсе просто кивают в ответ. Владимир тоже сначала робел: «Спрашивайте, отвечу», а после нескольких вопросов и вовсе растерялся: «Об этом нужно рассказать?»

Но затем, улыбнувшись, стал говорить о детстве, маме, сестрах и братьях, показал фото дочери — она его радость и счастье. Потихоньку, не торопясь, я смогла его разговорить.

На редакционные задания мы, корреспонденты, ездим в паре — за хорошие кадры в Издательском доме отвечают профессиональные фотографы. И они всегда внимательно слушают героя, ведь позже им нужно будет сделать «тот самый» кадр.

Но с Владимиром мы разговаривали тет-а-тет — фотокор опаздывал с предыдущей встречи. Наверное, это и спасло интервью: офицер итак стеснялся внимания к себе, а при дополнительных собеседниках не стал бы откровенно говорить о любимых и родных.

О своем увечье даже умудряется шутить — юмор у военных тоже особенный. В теле белгородца осталось множество осколков, и в аэропорту при входе всегда срабатывает рамка-металлоискатель. «Просто у меня железный характер», — комментирует происходящее офицер, но потом поднимает майку, чтобы снять все вопросы у службы безопасности.

&

«БАТИНА» ДОЧКА

За три года жизни в эфире через проект «Время наших» прошли и участники специальной военной операции, и ветераны боевых действий, и волонтеры, и выдающиеся личности, и просто люди, влюбленные в свое дело. А НАШИ они потому, что Родина для них — одна на всех, и они отдадут ей больше, чем просят для себя

АННА ЗАЙЦЕВА, старший редактор редакции специальных проектов ТОИ Дирекции ТВ-программ ГТРК ЛНР

Наша студия стала своего рода местом исповеди. Мы слышали то, о чем не принято говорить, что нельзя дать в эфир, и сами переживали боль НАШИХ, как свою...

Менее часа общения — и мы как будто знакомы всю жизнь. И это не чудо. Ведь говорим мы о том, что и есть жизнь. А она не лишена чудесного.

Как-то мне позвонила коллега из Ростова. «Аня, у меня есть герой для твоей программы. Девушка, написавшая книгу о своем отце, он погиб на СВО. Сейчас она пишет и издает книги — Книги Памяти. О ростовских ребятах, которые служат в зоне СВО».

Я тут же провела границу: «Время наших» — это герои нашего региона, а ростовские — как бы для своих. А в голове уже мелькнуло: все — наши.

Маленькая, хрупкая, улыбчивая девушка, появившаяся в студии,

была очень взволнована. И пока режиссер и операторы готовились к записи, я решила с ней поговорить, может быть, в большей мере для того, чтобы успокоить. А разволновалась сама.

В Луганске она не впервые. Случалось бывать и «за ленточкой» с гуманитаркой для бойцов. Отец переживал и настоятельно просил остановиться. В 2024-м она увидела своего «Батю» в последний раз. И пообещала ему больше не приезжать.

В день, когда мы записывали интервью, Юлия нарушила обещание, данное отцу. Чтобы рассказать о нем. Хотя дорога ее... не пускала. По пути в Луганск дважды ломалась машина. Суеверия? Только там, где война, и они, случается, выручают.

Главным героем передачи должен был быть «Батя». Он и был. Только вместе со своей дочерью. Так бывает. В процессе съемки Юлия превращалась в нашего героя.

Из тех НАШИХ, кто побеждает боль утрат, помогая всем, кому может, кто не смиряется, кто всеми силами продолжает жизнь, придавая ей осмысленности и деятельного добра.

«Батя», Александр Свеколкин, остался навеки сорокапятилетним. Ушел на свое первое боевое задание и не вернулся. На протяжении 7 месяцев его тело не могли достать. Все это время он считался без вести пропавшим. Его жена и сегодня не может смириться с утратой. Это уже другая история.

Я сомневалась, стоит ли говорить о деталях, которые не пошли в эфир. Юлия возражала. Но, поскольку этот материал только для коллег, полагаю, их нельзя опустить. Это детали, в которых

сказывается сущность человека. «Батя» — не родной отец для Юли. Вернее, по ее словам, он не кровный, но самый родной. И у нее уже есть сын. Она стала приемной мамой в 19 лет. Ее сестра отказалась от новорожденного ребенка в родильном доме,

а Юлия не смогла оставить его. Сейчас она невеста, ее будущий муж, как говорят на СВО, «в штурмах».

А еще на ее плечах мать. После гибели мужа она ослепла. Зрение вернулось лишь после нескольких операций. Она до сих пор пишет мужу, отправляет ему голосовые сообщения, часами сидит у его могилы. Не смогла пережить.

В маленькой женщине — одна огромная боль. Мать, которая страдает. Муж, который ежедневно рискует жизнью. Отец, который погиб.

Эту боль Юлия выплеснула в книгу. Написала ее от имени «Бати». Книга имела такой успех, что НАШУ героиню засыпали просьбами — написать о тех, кто из НАШИХ. Живых и мертвых. В этом деле она нашла смысл своей жизни. Пишет уже третью Книгу Памяти.

Надо ли говорить, что заявленный хронометраж в 20 минут был нарушен? Потому что это был разговор не только с героем, но и со всеми, у кого есть сердце.

Смотреть программу
«Время наших»